

ГУМАНИТАРНОЕ И СОЦИАЛЬНОЕ ЗНАНИЕ.
НОВЫЕ МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПАРАДИГМЫ

Перспективы
социальной консолидации

Круглый стол

МЕДИАЦИЯ
КАК СОЦИОКУЛЬТУРНАЯ КАТЕГОРИЯ.
Институт социологии РАН. 22 февраля 2013 г. Часть 1

Сегодня, когда в России нарастает раскол в обществе и все острее чувствуется потребность в межкультурном диалоге, в научном сообществе растет интерес к медиации — к поиску «середины» — как к действенному социокультурному принципу формирования новых оснований общественных отношений, ориентированных на преодоление угрозы раскола.

Журнал «Философские науки» начинает публикацию материалов Круглого стола по теме «Медиация как социокультурная категория», состоявшегося в Институте социологии РАН.

Миссия Круглого стола — исследовать понятие «медиация/поиск середины» посредством социокультурного анализа; обозначить «поиск середины» как научную проблему.

Цель дискуссии — представить поиск середины как основание (или как одно из оснований) бытия, культурогенеза, социогенеза, проявляющееся через способность человека к развитию, через выход за рамки культурной традиции общества и поиск адекватной меры подобного выхода.

Задача дискуссии — определить способы изучения медиации.

В качестве гипотезы предлагается интерпретировать понятие «поиск середины/медиация» как основание культуры, общества, основание человеческого в человеке, способность, меру в традиции рационалистической философии. Одновременно — это интенциональность психической энергии, присутствующей во всем, что устремляется куда-либо, в традиции экзистенциализма (Э. Гуссерль, М. Хайдеггер, М. Бахтин). Субъектом предлагаемой интерпретации «поиска середины» как основания является мыслящее и переживающее «Я» человека, т.е. личность, стремящаяся освободиться от диктата стереотипов исторически сложившейся культуры и строящая гражданское общество на новых основаниях.

В нашей дискуссии абсолютно равноправны и иные интерпретации «медиации/поиска середины», вплоть до отказа этому понятию в праве на существование.

Основные вопросы, на которые призвана ответить дискуссия: 1) нужно ли изучать медиацию (поиск середины) как важное направление науки о человеке? 2) в каких генеральных направлениях следует изучать медиацию? 3) какова может быть структура (исследовательская парадигма) при постановке вопроса о медиации в социальной философии, в культурологии, в социокультурном анализе? Как выйти на постановку вопроса о межкультурном диалоге?

Х.Э. Мариносян, шеф-редактор журнала «Философские науки»

*А.С. Железняков, руководитель Центра политологии
и политической социологии ИС РАН*

*А.В. Тихонов, руководитель Центра социологии управления и социальных
технологий ИС РАН, вице-президент Российского общества социологов*

*А.П. Давыдов, ведущий научный сотрудник ИС РАН,
координатор журнального проекта
«Медиация как социокультурная категория»*

Организаторы Круглого стола:

Центр политологии и политической социологии, Центр социологии управления и социальных технологий Института социологии РАН совместно с Российским обществом социологов (РОС).

Участники:

Голенкова Зинаида Тихоновна, д.филос.н., проф., ИС РАН;

Давыдов Алексей Платонович, д. культурологии, ИС РАН;

*Жаворонков Александр Васильевич, лауреат премии им. Питирима
Сорокина, д.соц.н., ИС РАН;*

Железняков Александр Сергеевич, д.полит.н., ИС РАН;

*Клямкин Игорь Моисеевич, д.филос.н., проф., фонд «Либеральная
миссия»;*

Кондаков Игорь Вадимович, д.филос.н., проф., РГГУ;

Пелипенко Андрей Анатольевич, д.филос.н., проф., Институт психологии и социологии РАО;

Петухов Владимир Васильевич, к.филос.н., ИС РАН;

Розин Вадим Маркович, д.филос.н., проф., ИФ РАН;

Тихонов Александр Васильевич, д.соц.н., проф., ИС РАН;

Тульчинский Григорий Львович, д.филос.н., проф., ВШЭ, СПб.;

Трофимова Ирина Николаевна, д.соц.н., ИС РАН;

Федотова Валентина Гавриловна, д.филос.н., проф., ИФ РАН;

Хрустов Владимир Федорович, к.филос.н., МГУ;

Яковенко Игорь Григорьевич, д.филос.н., проф., РГГУ.

Ведущие: А.С. Железняков, А.В. Тихонов, А.П. Давыдов.

А.С. ЖЕЛЕЗНЯКОВ. Название нашего круглого стола «Медиация (поиск середины) как социокультурная категория» напрямую связано с событием 15-летней давности, когда в 1998 г. вышло второе издание книги Александра Самойловича Ахиезера «Россия: критика исторического опыта». Именно тогда, в контексте фундаментальной разработки теории российской цивилизации, одним из крупнейших специалистов в этой области, каким был Ахиезер, термин «медиация» был впервые введен в оборот за рамками области права и начал оформляться и в значении социокультурной категории. Тогда же началось складываться и ахиезеровское представление о социокультурном анализе.

Следует отметить, что к тому моменту в своем новом значении термин «медиация» был уже несколько лет предметом активного обсуждения в группе культурологов, философов, политологов. В нее входили, кроме Ахиезера, наши докладчики А.П. Давыдов, И.В. Кондаков, А.А. Пелипенко, И.Г. Яковенко. Здесь присутствуют участники этих споров и дискуссий на семинарах А.С. Ахиезера в 1996 – 2007 гг., на других научных форумах и на товарищеских встречах. У истоков проработки этого понятия стояла и В.Г. Федотова. Она писала «о срединной культуре» и вместе с А.С. Ахиезером, И.В. Кондаковым и А.И. Уткиным одобрила докторскую диссертацию Давыдова по методологии социокультурного анализа и срединной культуре в России. После некоторого перерыва появились крупные работы и статьи бывших участников ахиезеровского семинара, развившие тему поиска середины применительно к новым обстоятельствам, в которых находится нынешняя Россия. Несомненный эвристический потенциал дискуссии по проблематике медиации в социальной философии, политологии, культурологии и социологии вызвал интерес и живой отклик у присутствующих здесь З.Т. Голенковой и А.В. Тихонова. В результате возникла идея проведения настоящего «круглого стола» силами нашего Центра (политологии и политической социологии) и Центра Тихонова (социологии управления и социальных технологий) совместно с Российским обществом социологов (РОС).

Обобщение явлений, стоящих за термином «медиация» и различных интерпретаций этого понятия, правомерно только в совокупности с довольно большой группой исследований разных направлений. Следует отметить, что термин к настоящему времени еще не устоялся. Высокий научный потенциал и одновременно недостаточная проработанность термина «медиация» довольно ясно прослеживаются по критерию его применимости в области межкультурного диалога, где сталкиваются две совершенно исключаящие друг друга позиции.

С одной стороны, медиация, в противовес инверсии, — важнейший признак отличия одной цивилизации от другой (в смысле, например,

отличия Запада от России). А с другой стороны, этот признак перестает быть сколько-нибудь функциональным при его распространении на все принципы цивилизационного мироустройства. Вот самый наглядный пример: бинарная оппозиция «капитализм — коммунизм» в отношении Запада к СССР, актуальная в свое время, сменилась бинарной оппозицией в отношении Запада с новой Россией — прозванной с легкой руки Збигнева Бжезинского «черной дырой новых евразийских Балкан». Вместе с тем в отношениях Запада с Китаем, в котором в условиях коммунистического режима проживает пятая часть человечества, ничего похожего на подобную бинарную оппозицию не наблюдается. Вывод: применение термина «медиация» остается очень привлекательным, будоражающим научный поиск, но в то же время не настолько определенным, чтобы получить признание в качестве социокультурной категории. По моей логике, определение медиации (противоположности инверсии как обозначения раскола между Западом и Россией) должно быть более фундаментальным и намного глубже, чем раскол между цивилизациями, и не зависеть от характера господствующего общественного строя.

Сегодня мы имеем большой разброс интерпретаций понятия «медиация». Наша задача не оценивать, чья интерпретация лучше, а выслушать всех, поразмышлять над тем, насколько этот термин работоспособен и к каким научным результатам он может привести в исследовании проблем общества, культуры, человека.

А.В. ТИХОНОВ. Я бы добавил, что та проблема, которая сегодня будет обсуждаться, в принципе полидисциплинарная. Она касается явления медиации — как денотата, так и его отражения в понятийном аппарате той или иной дисциплины. Поэтому объединение усилий представителей различных социогуманитарных специальностей, а тем более людей, которые уже сказали свое слово в науке, имеет принципиальное значение для каждой из них в отдельности и для самого социокультурного анализа. Те ограничения применения термина «медиация», которые обнаружил Александр Сергеевич, я отношу скорее к парадоксам, чем к его подлинно эвристическим возможностям. Если вспомнить Данилевского, оппозиция «Россия — Запад» древнее, чем «капитализм — коммунизм», тоже, кстати, западного изобретения. Последнее — лишь превращенная идеологическая форма длящегося веками геополитического противостояния, что только усиливает проблему поиска медиации. Поэтому наш Круглый стол уже сделал половину дела самым фактом того, что собрался.

А.П. ДАВЫДОВ. С удовольствием хочу представить наших гостей.

Игорь Григорьевич Яковенко. Его последняя большая книга — «Познание России. Цивилизационный анализ. 2-е издание» — это системный компендиум болезней России. Книга позволяет предвидеть

различные сценарии дальнейшего развития нашей страны, общества, человека. В этом ее достоинство и новаторство.

Владимир Федорович Хрустов, руководитель политологического семинара в Сахаровском центре.

Андрей Анатольевич Пелипенко. Пишет вот такие, например, книги как «Дуалистическая революция и смыслогенез в истории». Это антропологическая культурология. «Культура и смысл» (Ч. 1. 55 п. л.). Это смыслогенетическая культурология. Автор готовит еще 4 такие книги. Вы сегодня его услышите и поймете, что это весьма заметная фигура в деле решения стоящих перед наукой о человеке проблем.

Игорь Моисеевич Клямкин. Вот книга «Куда ведет кризис культуры?» В ней говорится не только о кризисе культуры, а вообще о ментальности русского человека, о ситуации в нашей стране. Игорь Моисеевич был инициатором, организатором, редактором и, так сказать, публикатором, всего этого издания. Это своего рода протокол заседаний семинара, который длился почти год. В нем участвовали Б.В. Межуев, Е.Г. Ясин, Н.Е. Тихонова, присутствующие здесь Пелипенко, Яковенко и другие.

Хочу показать вам книгу «Хорошее общество», автор — **В.Г. Федотова**. У **Валентины Гавриловны** много и других книг по нашей теме, в частности, последняя — «Глобальный капитализм: три великие трансформации».

В работе Круглого стола принимают участие также авторы, которые по разным причинам не могли лично на нем присутствовать.

Вадим Маркович Розин. Философ, культуролог, психолог. Автор нескольких десятков монографий. В этом году вышла книга «Три мироощущения и пути жизни. Философское осмысление религии, эзотерики и рационализма» (Йошкар-Ола).

Игорь Вадимович Кондаков. Один из первых аналитиков России, который заявил, что в стране появилась новая научная и учебная дисциплина — культурология. Автор книг о русской культуре. Одна из последних заметных публикаций — «Вместо Пушкина».

Григорий Львович Тульчинский (Санкт Петербург). Автор концепции глубокой семиотики и стереометрической семантики, доказательства гипотезы Лукасевича методами логики Льюиса Кэрролла, представления о постимперской культуре как потенциала открытого общества, модели оценки эффективности социальных инвестиций и социального партнерства (с зарегистрированным авторским правом). Основные книги: «Свобода и смысл. Новый сдвиг гуманитарной парадигмы», «Постчеловеческая персонология. Новые перспективы свободы и рациональности», «Самозванство. Феноменология зла и метафизика свободы», «Тело свободы». Тема поиска нового уровня свободы, как мне кажется, — основная в работах Григория Львовича. Это очень близко к теме нашего Круглого стола.

Я принес сюда лишь некоторые из перечисленных книг, чтобы вы смогли с ними ознакомиться.

Моя книга «Неполитический либерализм в России» построена на анализе отечественной литературной классики и ряда современных писателей с позиции формирования у нас медиационной культуры. Вот сборник статей в память об Ахиезере — «В поисках теории российской цивилизации», где выступили очень серьезные авторы, академики, члены-корреспонденты, в том числе В.А. Ядов и А.В. Дмитриев из Института социологии РАН. Вот, собственно, все те, кого я хотел представить, а остальных участников вы знаете. Кондаков прислал доклад, я его позже зачитаю. У него оригинальная концепция — он говорит, что выделение медиации как социокультурного феномена важно, но сегодня с ней все более конкурирует эристика. Другой наш участник круглого стола В.В. Петухов, который тоже не смог присутствовать, также попросил представить его точку зрения.

У нас много докладчиков. Каждый по-своему интересен. Предлагаю: пусть каждый изложит свой подход в пределах получаса, затем — вопросы и комментарии. На них времени жалеть не нужно, ведь всех нас особенно интересует дискуссия. Первым выступит, как договаривались, Александр Васильевич Тихонов. У него свежий взгляд на проблему медиации как философа, социолога и специалиста по методологии управления. Раньше он в наших семинарах не участвовал.

А.В. ТИХОНОВ. Тема моего доклада: **«Медиация в проблемном поле социокультурного знания: полидисциплинарный подход».**

Сначала хочу оправдать жанр доклада, и самого круглого стола как полидисциплинарного. Жанр доклада — методологические рассуждения по поводу того, что такое социокультурное знание и какое место занимает в нем концепт «медиация». Вопрос в той постановке, в которой назван Круглый стол, представляется мне в принципе методологическим. Я предложил рассматривать наш обмен мнениями с полидисциплинарных позиций. Может сразу возникнуть вопрос — а почему не с междисциплинарных? Отвечаю. По двум причинам.

Во-первых, научные дисциплины, которые мы с вами представляем — социология, культурология, политология или социальная антропология, которая нередко называет себя культурной антропологией (см. «Историю антропологических учений» Э.А. Орловой), находятся на разных стадиях своего дисциплинарного становления. Междисциплинарность как проблема интеграции знаний появляется тогда, когда выработан не только общий взгляд на предмет, но и метод, позволяющий хотя бы претендовать на какой-либо синтез. До этого, как мы все знаем, еще очень далеко. А скромная полидисциплинарность позволяет вести разговор каждой дисциплине на своем языке и если исходить из трактовки слова «дискурс» Мишелем Фуко, здесь у нас всегда есть возможность услышать что-то новое и понять друг

друга, и даже в случаях, когда мысль высказывается, но еще не отчеканивается в строгую понятийную форму. По-моему это как раз и есть наш случай.

Во-вторых, не вполне понятно главное — к какой дисциплине примыкает сам социокультурный анализ, поскольку социальное и культурное трактуется у нас по-разному, тем более различной может быть и связь между этими свойствами социума. Поэтому проблематичным становится и появление такой категории, как «медиация», которую А.П. Давыдов наделяет функцией связывания этих двух миров. В дальнейшем я буду неоднократно обращаться к текстам Давыдова, которые, на мой взгляд, имеют прямое отношение к нашей сегодняшней дискуссии.

Media, mediana, medium (лат.) — середина, поиск середины как мера какой-либо сущности (медиана в статистике, например). Это крайне многозначное слово, означающее в практике словоупотребления средство (как масс-медиа); медиум — посредник в общении с потусторонним миром; ценность («золотая середина»); оценка — середняк, «ни то ни се», сердцевина чего-либо; в политике — центр, центризм; в межличностном общении — компромисс; в философии — способ соединить крайности, разрешить неразрешимое противоречие (апории Зенона, например, дихотомии, оппозиции в диалектике); в науке, близкой к нашей тематике, медиация рассматривается как «процесс включения потенциальных орудий (артефактов) в формирование действия, с одной стороны, и конкретного использования этих орудий, с другой»¹. И это слово Давыдов превращает в универсальный принцип концепции социокультурного анализа! Медиация у него — это «продуктивно-инновационное образование синтетических промежуточных значений на основании проникновения смысловых элементов в экзистенциальное пространство сознания субъекта»². Думаю, что сходу глубину авторской мысли не одолеть не только популяризаторам науки, но и самим ее производителям. Особенно впечатляют «синтетические промежуточные значения».

Придется несколько отступить и задать риторические вопросы. Известно, что все универсалии, как и их младшие сестры — категории, создаются или открываются в философии лишь при крайней необходимости как узаконивание обобщений самого высокого уровня («эйдосы» у Платона, например, сущности второго порядка у Аристотеля). Независимо от различия философских традиций в познании мира (реализм, например, номинализм или вездесущий сегодня конструктивизм), каждая категория считается ступенькой восхождения к истинному знанию. Можно предположить, что медиация претендует на такую же роль одновременно в социологии и в культурологии. Но почему ей так не везет? Не только в Википедии, но и в солидных философских и культурологических словарях ей не находится места.

Предварительно можно сделать предположение: она и сама не знает, к какой реальности относится. Судя по определению Давыдова, это ментальная реальность внутри личностного сознания. Тогда в чем проблема поиска середины? Внутри себя или в тех социальных отношениях, в которые включен субъект социального действия? А если и в том и в другом, то как связаны между собой середины этих двух реальностей, социальной и культурной? Это одна и та же середина или это разные середины? Какая из них подлинная, а какая мнимая? Или подлинны обе, только по-разному?

Приведу пример из опыта поиска середины путем формирования структурированного социал-демократического электората (круглый стол с участием М.С. Горбачева в Москве 21 июня 2000 г., на котором присутствующая здесь В.Г. Федотова выступала с докладом «Радикализм и анархия — главные вызовы социал-демократии»). Тогда теоретически решался вопрос о необходимости преодолеть те крайности, перед лицом которых мы оказались: либо социализм без свободы, либо либерализм без справедливости. Альтернативой была созданная Горбачевым РОСДП — Российская объединенная социал-демократическая партия. Я был членом Политбюро от Петербурга. Ситуация вроде бы полностью соответствовала теоретической модели Давыдова: налицо было социокультурное противоречие, были люди, можно сказать, личности, способные на критику ценностей нашего социализма и продвинутого рыночного капитализма, выступавшие за некую, новую для России, перспективу, за новое мышление и новые ценности. Почему же тогда у нас ничего не получилось?

Во-первых, по словам Федотовой, потому что народ был радикализован настолько, что никакая срединная линия поначалу не представлялась ему привлекательной. Во-вторых, лидер этой линии к тому времени уже не обладал необходимым моральным авторитетом и ресурсами, хотя идеи высказывались весьма перспективные. В-третьих, тогда мы еще не понимали, а многие этого не понимают и до сих пор, что *«посредине истины вообще нет»* (Гёте), а есть проблемы, которые надо быстро и грамотно решать. И их решали, только без нас. Место середины (свято место пусто не бывает) заняла «Единая Россия». Горбачев рассказывал нам после встречи с Путиным, что тот его понял и даже поддержал, но решение принял по-своему. В ментальном мире мы были правы: социал-демократия по-русски, если бы она была к этому времени раскручена, возможно, лучше всего подходила бы для новой мобилизации страны если не на прекрасное будущее, то хотя бы на достойный выход из унижительного положения. Но в реальной политике тогда в большей степени прав был Путин — в условиях сложившейся социально-политической ситуации в середине должна была оказаться партия, реально исключавшая приход к власти как компрадорской «семибанкирщины», так и зюгановской

КПСС. Значит — проблема медиации была не только в инновационной середине, но и в оппозициях. Медиация не имеет смысла без инверсии, а инверсия без поиска середины. Но с другой стороны, политически проблема была, все-таки, в середине, в необходимости решительного погашения новой инверсионной раскачки еще не пришедшего в себя общества.

Здесь нужно прислушаться к позиции Давыдова, имеющей, на мой взгляд, принципиальное значение для всей нашей социогуманитарной науки и общественно-политической практики. Социокультурный анализ действительно начинается с мышления оппозициями, потому что такова природа культуры (к этому свойству мы еще вернемся). Затем, по теории, он переходит к тернарному мышлению, к поиску третьего, альтернативного смысла в пространстве между полюсами оппозиции (идея «третьего пути» Гидденса, Ахиезера и оформляющаяся идея нашей цивилизационной самобытности). В сакраментальной сфере «между», называемой в синергетике «точкой бифуркации», рождается, по Давыдову, новая логика воспроизводства социального. В то же время это точка новой опасности: если решения будут принимать те, кто с логикой не дружит, вместо импульса к росту эта точка может стать местом застревания развития (стагнации) или еще хуже — ее катастрофического «схлопывания». Такова общая схема социокультурного развития в этом виде анализа, которая требует конкретизации при ее использовании для описания, объяснения и прогноза конкретно-исторической ситуации в различных странах и особенно, когда это касается России. Автор считает, что для того, чтобы избежать у нас раскола при проведении исторически необходимой политики модернизации, ученым нужно объединяться, проводить мониторинг динамики стереотипов ментальностей и выстраивать на этой основе логику *внутрицивилизационного диалога между носителями различных ценностей*, т.е. по существу целенаправленно заниматься методологией модернизации массового сознания. При этом не надо ждать, когда противники возрождения России займутся этой проблемой с обратным знаком.

Мне представляется вероятным, что методология социокультурного анализа развития России и локальных цивилизаций (концепция И.Г. Яковенко) настолько фундаментально проработана в понятийном плане, что вопрос об отнесении медиации к той или иной категории социологии, культурологии или другой дисциплине остро не стоит.

Социокультурный анализ в варианте Давыдова является оригинальной отечественной разработкой решения современных проблем мирового и регионального развития и *может иметь статус самостоятельной дисциплины, синтезирующей достижения социальных и гуманитарных наук*. На этом этапе их дисциплинарного становления это было бы

крайне желательным способом их взаимодействия. Вся совокупность разработанных автором понятий выступает мостом (и в этом смысле серединой), по которому могут пройти навстречу друг другу исследования всех социогуманитарных специализаций, теоретиков и практиков, заинтересованных в адекватной постановке проблем и их решении. По крайней мере, я могу об этом свидетельствовать с позиций проблем выхода из кризиса российской (и не только) социологии.

Для меня очевидно, что отечественная разработка социокультурной динамики, начиная с П. Сорокина и до сего дня, имеет мировое значение. Нужно своевременно делать выводы из собственной истории. У нас не признали и, главное, не перевели в здоровую прагматику тектологию А.А. Богданова, циклы Кондратьева, разработку парадигмальной эволюции научного знания Института истории естествознания и техники РАН, пришедшей к нам потом в виде теории научной революции Т. Куна (США), идею институциональных матриц А.С. Ахиезера, которая в варианте Д. Норта была отмечена Нобелевской премией. Может быть, на этот раз у нас хватит ума своевременно признать социокультурный анализ инструментом модернизации всего корпуса отечественного социогуманитарного знания? Последствия такого шага со стороны нашей научной общественности незамедлительно сказались бы на оценке тенденций мирового развития, как это произошло с докладами «Римского клуба», и на будущем нашей страны.

Пригодность теории и методологии социокультурного анализа для «осовременивания» отечественного корпуса социогуманитарных наук все же требует дальнейшей работы над категориальным аппаратом, в том числе на уровне философии и социальной эпистемологии. Речь идет об общих вопросах природы социального и культурного синтеза в исторических процессах. Мне, с позиции конструктивного реалиста, кажется, что проблема медиации из умозрительной, насчитывающей столько лет, сколько лет истории философской мысли, только недавно, в условиях решения реальных проблем глобализации и модернизации, перешла в ранг практической разработки механизмов поддержания и изменения социального порядка на планете. Эти механизмы включают в себя как естественные инстинктивные автоматизмы в сознании и поведении больших масс людей, находящихся в интуитивном поиске выхода из безвыходных ситуаций, так и сознательно построенные (изобретенные) конструкции. Природа механизмов такого масштаба еще недостаточно артикулирована политиками и учеными, но разговор о категориях перестает носить академический характер. За этим стоит потребность в фундаментальных исследованиях социально-гуманитарного плана.

Напомню ситуацию в физике начала XX в. Тогда обсуждалась проблема «природы света», постановка вопроса о которой поначалу

казалась совершенно обычной: волна или корпускула? Либо — либо. После исследований и экспериментов пришли к совершенно другому представлению об этом феномене. Оказалось, что свет — и то и другое одновременно. Напрашивается аналогия: возможно, постановка проблемы медиации как срединной ориентации в процессах принятия людьми повседневных решений относится к непреложным основаниям нашего бытия и имеет такое же важное значение для понимания человеческих проблем, как проблема природы света для физики.

Медиация как явление располагается как минимум в двух проблемных полях — социальном и культурном. Если все действия в социальном поле можно считать дискретными, а все явления в культурном поле — непрерывными, можно сказать, волнообразными, то как они уживаются и сочетаются в реальной динамике? Не насильничаем ли мы по незнанию над природой вещей, которые составляют суть созданной нами же среды обитания и не только материальной? Нам порой кажется, что если произвольно соединить кислое с пресным, то будет что-то среднее. Может так, но может быть и нет. В культуре, по крайней мере, нет. Логично предположить, что будет что-то третье, но совсем не то, что ожидалось. Практика управления подтверждает это на каждом шагу. Здесь все проблемы от того, что все участники ежесекундно занимаются тем, что соединяют несоединимое.

Давыдов много раз возвращается к теме принятия людьми решений в ситуации «между». Но этим пронизана социальная жизнь не только «в минуты роковые», но и в потоке самой что ни на есть рутинной повседневности. Не здесь ли рождаются латентные силы, которые в дальнейшем взрывают социальность или куются новые, неприемлемые с точки зрения человечности, альтернативы? Медиация не такая уж и безопасная штука, чтобы не ставить вопрос о ее социально-групповой принадлежности и ценностной обусловленности. За нее тоже должен кто-то отвечать. По этому вопросу у меня уже был спор с социальными синергетиками. Так что же все-таки происходит в обществе и в культуре, когда их элементы (спонтанно или организованно) взаимодействуют? Вопрос оказывается таким же не простым, как и с природой света. Вот, например, вещество под названием вода (H_2O). Ее создают два разных элемента — водород и кислород. Ни в одном из них вода не содержится. Только вместе у них получается это уникальное явление природы, от которого в полном смысле зависит человеческая жизнь. Вода бывает, как известно, в трех агрегатных состояниях: твердом, жидком и газообразном, в зависимости от температуры и давления. То же самое скаламбури́м и про социокультурное «вещество»: у него есть материальная (твердая), социальная (текучая, как пишет З. Бауман) и есть невесомая (духовная) компоненты. Отношения этих свойств и составляют, на мой взгляд, особые качества такого вещества. За последние десятилетия субстрат

этих элементов и отношений между ними настолько изменился, что во весь голос заговорили о кризисе культуры как о драме бытия³. Достаточно сказать, что в этот период впервые за всю письменную историю человечества сила и власть артефактов превысила естественные силы и возможности людей и продолжает наращивать свое влияние в этом направлении.

Нужно признать, что постмодернисты более чутко, чем многие представители классической науки, уловили этот ветер перемен. Одна из основных причин того, что проблеме медиации не уделяется должного внимания, состоит в том, что она была сформулирована в промежутке между эпистемологическими эпохами: модернизм еще не ушел, а постмодернизм еще не наступил. Срединная постнеклассическая рациональность (В.С. Степин) только недавно оформилась в отечественной философии науки и еще не успела повлиять на междисциплинарные связи. Динамика культурных феноменов описывается постмодернистским понятием «ризом», что, согласитесь, не предусматривает устойчивых связей между инверсией и медиацией, как и эти категории. Постмодернизм вообще не признает циклизма, эволюционизма и любого универсализма культурных форм. Это его право, но почему нужно прикладывать эти мерки ко всем социокультурным явлениям? Здесь как раз все обстоит намного серьезнее: ***противопоставление культурных и социальных форм губительно для любого общества и для носителей асоциальной культуры в первую очередь.***

Так что же представляют собой различные сочетания социальных элементов и элементов культуры? Вопрос остается открытым. Требуется фундаментальные исследования. Слишком большая смысловая нагрузка ложится на слово «социокультурный» предикат, чтобы наука оставила без внимания их произвольный синтез.

В заключение я остановлюсь на двух вопросах, имеющих прямое отношение к теме Круглого стола. Во-первых, о должном и сущем в снятии социокультурного противоречия, а, во-вторых, о медиации как научной категории.

Первый вопрос касается роли личностного начала в человеке, который, по Давыдову, пребывая в сфере «между» должен находить инновационные решения оппозиций: статика — динамика, культурная вертикаль — социальная горизонталь, палеоценности — ценности модернизации, традиция — инновация, идеациональность — рациональность, потусторонность — посюсторонность, наконец. «В этом поиске, — пишет Давыдов, — смысл и социокультурного противоречия и способности субъекта разрешить его. При этом он постоянно должен искать и находить меру между апологетикой и критикой тех или иных ценностей в поиске нового основания для своей жизни⁴. Вопрос в том, что его может заставить жить в таком напряжении, почему он должен так поступать? Ниже Давыдов пишет, что мера эта становится

находимой только в одном случае — если человек способен сформировать в себе способность быть независимым от всех социальных ролей и смыслов, т.е. стать личностью. Но нас учили, что жить в обществе и быть свободным от общества нельзя. Быть личностью — не значит показать себя героем-экстремалом, встать на край кратера, а в том, чтобы жить и отстаивать свои ценности в повседневной жизни. Так, кстати, считает и А.П. Давыдов. Освобождение от социальных ролей у него предполагается не в буквальном смысле, а как внутренняя способность устранения себя от их влияния при принятии решений. Но в этом ли весь корень решения социокультурного противоречия? Мне представляется, что он и в онтологически присущем человеческому существу стремлении утвердить свою самость среди любых внешних обстоятельств: материальных, социальных, культурных. Преодоление связанных с этим проблем делает его человеком. Утверждение себя в себе — это постоянное усилие по приведению в соответствие своих тел: физического, социального и духовного, что заставляет человека выходить за границы своей индивидуальности, вступать в отношения с Другими, управлять своей экзистенцией и созидать, в конечном итоге, в себе человеческое.

Чтобы не удлинять аргументацию, я сошлюсь на последнюю работу М. Фуко, близкую к этой теме: «То обстоятельство, что искусство жизни упирается в вопрос отношения к себе, не должно вводить в заблуждение: обращение на себя не следует понимать как отступничество и отказ от деятельности, но именно стремление обрести в отношении себя точку опоры для отношения к вещам, к событиям, к миру... это учреждает нас в качестве истинного субъекта наших действий»⁵. Он же в этих лекциях сделал важное для нашей темы замечание относительно картезианского следа, протянувшегося к нам от эпохи Просвещения. От него у нас осталась вера в рациональность нашего разума, оправдание вседозволенности целерационального социального действия и инструментализма в отношении к природе, обществу и к Другим людям. На этом принципе взращивается сегодня и культура массового потребления. Это уже не та палеокультура, которой противостоят радио-инновации. Еще нужно разобраться, что чему противостоит. Нарастающему темпу жизни обществу явно недостает понимания того, куда и зачем оно несется, особенно *места* спасительной середины и того, кто же действительно является истинным субъектом срединной культуры.

Второй вопрос касается притязаний медиации на статус научной категории. Выше мы говорили о возможных необычных свойствах *социокультурного вещества как реальности*. Но что это за реальность, если, с одной стороны, в ней участвуют не вполне осязаемые социальные отношения между людьми, а с другой — трудноуловимые смыслы, которые люди придают своей жизни и всем обстоятельствам,

с которыми они имеют дело? И все это охватывается многозначной языковой практикой, благодаря которой мы собственно и знаем, что элементы этого вещества и отношения между ними реально существуют и имеют для нас определенное значение. Система категорий, присущая каждой конкретной науке, призвана обладать минимальным содержанием, но такого рода, чтобы охватывать наиболее существенные связи и отношения действительности и содействовать ее познанию. Своим арсеналом категорий обладают и социология, и культурология как ведущие дисциплины в социально-гуманитарных науках, что можно обнаружить в любом специализированном словаре. Вопрос в том, как они соотносятся с понятиями, используемыми в социокультурном анализе?

Думаю, что понятийный аппарат, разработанный в этой отрасли знаний, находится еще на стадии становления, и внутри его каркаса вполне может расположиться *самобытный понятийно-категориальный ряд: социальное, культурное, культурные основания социального, субъект социокультурного действия, социально-культурные типы, культурные стереотипы, инверсия, раскол, медиация, социокультурное противоречие, срединная культура и др.* Другое дело, что для эпистемологического обоснования этого аппарата требуется показать, что обобщение свойств, видов и родов социокультурной реальности не поглощается лингвистическим набором этих слов, что за ними мы можем увидеть реально происходящие явления и процессы. Если не оставаться на уровне «чистородного» номинализма, то социокультурному анализу придется утверждать свои теоретические завоевания путем обнаружения соответствия введенных им понятий действительности апостериорным путем, т.е. путем их подтверждения и корректировки не в очередных умозрительных построениях, а в результате исследований. Характерным признаком понятий, используемых в социокультурном анализе, является неопределенность связи их семантики, синтаксиса и прагматики. Это следствие исходной многозначности, отмеченной выше на примере понятия медиации. Оно находит реализацию в двусмысленном (эквивокальном) употреблении слов, которые связаны между собой по принципу смежности, сходства или парадоксальной совместимости.

Эти слова — тропы — выражают такие обороты речи, которые дополняют и разъясняют смысл сказанного, не выступая в роли четкого определения (это метафоры, аналогии, синекдохи и т.п.). Тем не менее в истории философии они играли и играют сейчас большую роль, выражая онтологический и гносеологический аспекты состояния представляемой вещи. У Марка Аврелия, например, природа определялась таким тропом, как «изменяющаяся неизменность». Давыдов приводит ряд красноречивых примеров троповидного определения срединной культуры: «правовое самодержавие» (М. Сперанский), «го-

сударственная интеллигенция» (П. Струве), «самодержавное правовое государство» (И. Ильин) и др.

В современной аналитической философии тропы нередко рассматриваются как заместители универсалий (натуральные классы тропов, классы подобия, сходства), что позволяет и нам включиться в современную эпистемологическую дискуссию по поводу категорий и универсалий социально-гуманитарного знания и познания⁶. Возможно, на этом пути нам удастся показать, что медиация, как и ряд других троповидных понятий социокультурного анализа, имеет законные права на признание в качестве научной категории.

А.В. ЖАВОРОНКОВ. У меня три замечания по докладу Тихонова. Во-первых, дифференциация системы на полярные группы и слои относительно какой-либо предметной (уже предметно-институциональной) области будет всегда свойственна общественному организму. Если ее нет, то нет и развития. Во-вторых, всегда, следовательно, будет существовать социальный слой, лишенный полярных качеств человеческой активности относительно какой-либо предметной области человеческого общежития. Но привести всех к «общему знаменателю» не относительно отсутствия в обществе голода, крыши над головой у большинства населения, предпосылок суицида, а к «гражданскому» уважению грабежа и кнута — задача утопическая. Она имеет целью остановить развитие и сохранить «status quo». В-третьих, «средний класс», который политически индифферентен, «доволен собой, своим обедом и женой» — это идеал как раз тех уравнилельных политических сил, которые не умеют управлять социальными процессами гуманно, эволюционно, доводя свой стиль управления до кровавых судорог гражданских войн и революций (крестьянских, буржуазных, социалистических, мятежей, бунтов, погромов и т.п.). В заключение добавлю. *Проблема, на мой взгляд, состоит не в смутных поисках срединного пути (и особенно в кризисные периоды с резкой дифференциацией социальных слоев, мучительно ищущих, в отличие от власть имущих, выход из кризисной ситуации), а в нахождении таких управленческих решений, которые вели бы к согласию различных слоев относительно всего поля этих решений.* В решениях социальных проблем, а точнее (говоря «рыночным» языком, к которому так любят прибегать в последнее время) *в диверсификации содержания решений лежит путь снятия противоречия в поведении полярных слоев населения. В равных правах развития своих свойств и способностей на поле общественного блага у «всех людей, рожденных равными в своих правах», заключается поиск «золотой середины».* Данные наших исследований очень ярко показывают, что широкие слои населения это очень хорошо понимают.

А.П. ДАВЫДОВ. Я хочу внести ясность в мое определение личности, поскольку оно получило здесь противоречивую трактовку. Это поможет участникам нашего собрания лучше понять друг друга в дискуссии о медиации и личности как ее субъекте.

Личность, принимая решение, одновременно делает две вещи: выходит за рамки культурной традиции и ищет меру (пределы) выхода. Развивая в себе эти противоположные способности, человек учится быть адекватным в отношениях с собой и людьми и формирует себя как жизнеспособную зрелую общественную единицу. Поиск жизнеспособности есть не что иное как движение релятивистской мысли между абсолютами — жизнью и смертью. Способность к такому движению — медиация. И здесь действительно работает старинная формула, о которой говорил Тихонов: человек, живущий в обществе, не может быть свободен от общества.

Но зрелость личности определяется не только способностью искать и находить некую промежуточную синтетическую меру выхода из традиции в целях обеспечения своей адекватности, жизнеспособности, выживаемости. Человек становится личностью, когда формирует в себе способность быть независимым от всех, я подчеркиваю — от всех — сложившихся социальных ролей и смыслов, в том числе и от сложившегося представления о личности. Какую бы меру независимости от культуры в конкретной ситуации личность ни нашла, в ее менталитете по необходимости существует доминанта абсолютной ценности экзистенциальной свободы/независимости от диктата стереотипов культуры, которую личность измеряет смертью. Через эту доминанту как основание рождается особенное личности, ее уникальность.

Смерть — тоже мера. Высшая. И в своей предельности с точки зрения практического разума иногда адекватная, а с точки зрения чистого разума адекватная всегда. Эта мера не может не быть в менталитете личности основанием всех оснований (меры, середины, общения, спасения) и, следовательно, мерой способности личности быть свободной. Если этого основания (меры, середины) нет, поиск никакой меры невозможен, поиск промежуточных синтетических адекватностей, ведение диалога с обществом, компромисса становится бессмысленным, личность как таковая теряет жизнеспособность, терпит поражение, истаивает. Именно способность измерять жизнь как высшую ценность (любить, верить, ценить, мыслить, изобретать, принимать решения) смертью порождает и гениальное творчество, и человеческие трагедии: когда еретик-диссидент переосмысливает ценности культуры, чтобы защитить свое представление о полноте бытия, когда влюбленные решаются на самоубийство, когда ученый заявляет «а все-таки она вертится», а поэт отказывается жить (Гоголь, Блок, Маяковский, Есенин) или решается на гибельную дуэль (Пушкин, Лермонтов). Трагичность тут не в гибели, а во внутренней необходимости гибели. Если жизнь человека — событие, она измеряется смертью. Способность к такому измерению — медиация.

А теперь я хочу немного добавить к тому, что сказал Тихонов. О двух уровнях медиации.

Первый уровень медиации, когда медиации почти нет. Палеоантроп — собиратель и охотник. Поздний неандерталец начал создавать производительную экономику (земледелие и т.д.), преобразовывать мир. Для древнего человека мир — объект. Он использует мир, чтобы удовлетворить свои исторически сложившиеся потребности — то, что тысячелетиями фиксировано, записано в сознании, в культуре. **Основной вопрос первобытного человека с точки зрения социокультурного анализа: каковы его претензии к миру** (много ли в ареале его обитания природных ресурсов, которые можно использовать для выживания, каковы возможности их использования)? Медиация как усилие субъекта изменить свои цели, потребности и способности, его работа над своими способностями — здесь в зачаточном состоянии.

Второй уровень медиации, когда медиация начинает доминировать в менталитете и культуре. Человек эпохи гуманизма изменяет свои потребности и цели. Изменяет не столько мир, сколько себя. Состояние своей способности к рефлексии — его основная забота. Постоянно раздвигая свою самость и формируя новые синтезы, он превращает свою способность к рефлексии в личную нравственную проблему, в проблему научного мышления. Его основной объект — он сам. **Основной вопрос человека этой эпохи: каковы его претензии к самому себе?** Поиск ответов на этот вопрос становится основанием самоорганизации, самоактуализации, саморазвития. Изменяются цели и потребности, происходит перелом в развитии человеческого в человеке, возникает новое (гуманистическое) качество социальности. Медиация (формирование середины как основания) завоевывает доминирующее положение в менталитете, прокладывая путь к формированию личности и гражданского общества.

И последнее. Александр Васильевич, Вы — специалист в области методологии управления. Автор несколько раз переизданной книги «Социология управления», ставшей настольной книгой в этой области. Известна Ваша блестящая формула «Управление через самоорганизацию и самоуправление», которую можно рассматривать как вектор фундаментальных исследований и которой суждено жить долго. Не могли ли бы Вы высказаться, как понимаете **меру** взаимоотталкивания/взаимопроникновения смыслов управления и самоуправления, организации и самоорганизации, Я-демократии и Мы-философии в Вашей модели модернизирующегося общества? Ведь именно способ **поиска** этой **меры (основания, середины)** и есть методология медиационного мышления в сфере управления.

А.В. ТИХОНОВ. Спасибо за вопрос. В ответ на него у меня появились два соображения. Одно касается философии управления, а второе — области логико-методологических проблем происхождения научных категорий. Мою книгу «Социология управления» не так давно препарировал уважаемый В.М. Розин. Имею в виду его статью

«Философия управления: основные направления, предмет, сущность управления» в коллективной монографии⁷ под его же редакцией. Помимо всяких хороших слов, он, в частности, заявил, что у меня якобы управление представлено не как механизм развития, регулирующий взаимодействие внешней и внутренней среды социальной организации, а как механизм поддержания социального порядка как формы, позволяющей удерживать самопроизвольное течение жизни в каких-то рамках, направляя ее к желаемому состоянию. Упрек, на мой взгляд, несправедливый, поскольку у меня речь идет не только о социальных изменениях, которые Розин путает с развитием, действительно требующих упорядочивания, но и об их трансформации в развитие через механизм управления. Это, если хотите, цивилизационная функция управления. Но и этого мало. В другом месте моей монографии говорится *о культурно-историческом развитии самого управления: от старого синкретического состояния к новому.*

Управление как социальный феномен старо как мир. Оно родилось в «коконе» власти, пытаюсь облагородить это чудовище и направить его энергию в полезное для общества русло. Это — как проблема превращения ядерной энергии в мирный атом. В раннем синкретизме, на котором как на трех китах стоит наша цивилизация, власть и собственность главенствуют над управлением, деформируют его в своих интересах. В новом синкретизме, обусловленном рождением нового социально-культурного типа, о чем говорит *гипотеза П. Со-рокина — А. Ахиезера — А. Давыдова*, механизмом развития локальных цивилизаций становится управление в связке с самоорганизацией и самоуправлением, при которой только и возможно развитие общества через способность человека принимать творческие решения. Если в раннем синкретизме срединное положение занимает власть, что создает иллюзию подлинного механизма развития и порождает стремление романтиков «ножа и топора» любыми способами попасть на это заветное место, то в новом синкретизме срединное положение впервые в истории отдается управлению. В ответ на вопрос, который часто задает Давыдов, «Почему происходит смена культурно-исторических типов?», можно сказать: потому что человечеству для выживания в сильно изменившихся условиях необходимо будет научиться по-новому управлять своими отношениями с природой, Богом и с самим собой. *Новый культурно-исторический тип рождается в сфере посюсторонности, требующей нестандартных изобретательных ответов на внешние и внутренние вызовы, трезвого понимания того, что управляемость важных для существования человека явлений и процессов достигается путем не подавления, а соучастия в них. В этом, на мой взгляд, и есть объективная предпосылка поиска середины.*

Теперь о логико-методологической стороне этой проблемы. С чего это мы взяли, что происходит великая смена культурно-исторических

типов и почему мы считаем, что эта смена происходит именно путем трансформации старого синкретизма власти, собственности и управления как социокультурного механизма регуляции жизнедеятельности в новый синкретизм управления в сочетании с самоуправлением и самоорганизацией? Не просто ли это благое пожелание? Взяли мы это из теории П. Сорокина – А. Ахиезера, по рациональной версии которой смена культурно-исторических типов (как каузально-смысловых единств) происходит в тесном взаимодействии с трансформациями обществ как социальных систем. На определенном этапе социокультурного взаимодействия инверсионный характер связей общества и культуры изживает потенциал экстенсивного развития и сменяется инновационно-модернизационным, который с необходимостью включает новый механизм управления. Отсюда потребность в среднем классе, в срединной культуре и в креативном типе личности на ключевых социальных позициях.

«Медиация» как научная категория возникла не случайно, а как непреднамеренное открытие, как «поризм»⁸ без включения которого в исследовательский аппарат сегодня невозможно описывать и объяснять новые явления социальной и культурной динамики.

В социокультурном анализе понятие медиации способствует постановке новых исследовательских задач и определению способов их решения, а на метауровне дает методологическую возможность реконструировать проблему, которую на самом деле решает социокультурный анализ в современной мировой и, в частности, российской ситуации цивилизационного развития.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Wertsch J.V. Sociocultural studies history, action and mediation. – Cambridge University Press, 1995. P. 21 – 23.

² Давыдов А.П. Социокультурный анализ социальной динамики России. – М.: Гуманитарий, 2012. С. 36.

³ См.: Шендрик А.И. Культура в мире: драма бытия. – М., 2007.

⁴ См.: Давыдов А.П. Социокультурный анализ социальной динамики России. С. 36 – 37.

⁵ Фуко М. Герменевтика субъекта. Курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1981 – 1982. – СПб.: Наука, 2007.

⁶ См.: Неретина С.С., Огурцов А.П. Пути к универсалиям. – СПб., 2006; Армстронг Д. Универсалии. Самоуверенное введение. – М., 2011.

⁷ См.: Философия управления: проблемы и стратегии. – М., 2010.

⁸ См.: Лакатос И. Доказательства и опровержения. – М.: Наука, 1967. С. 17.

Продолжение следует